

О. И. Солодка

Науч. рук. – Е. И. Тимошенко, канд. филол. наук, доцент

ОБ ИСКОННОЙ СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СТРУКТУРЕ СУБСТАНТИВА **NORVЪ*

В работе представлен семантический и диахронический словообразовательный анализ русских субстантивов *норов*, *нрав*. Устанавливается исконная словообразовательная структура существительных и их внутренняя форма. Предпринимается попытка определения значения словообразовательного форманта *-*v(ь)*. Выдвигается предположение о глагольном характере производящей основы для **norvъ*.

Имя существительное *нрав*, не членимое на синхронном срезе, в современном русском литературном языке употребляется в значении «характер, совокупность психических свойств», «обычай, уклад общественной жизни» [1, с. 1435]. В белорусском и украинском языках соотносительные с русским *нрав* субстантивы (бел. *нораў*, укр. *норов*) имеют те же значения [см. 2; 3]. Современному русскому литературному языку известно также имя существительное *норов*, распространенное в разговорной речи в значениях «характер, совокупность душевных свойств», «обычай, общераспространенные привычки» [1, с. 1403–1404], «упрямство, характер с причудами» (в словаре подается с пометой «просторечное») [4].

В «Словаре русских народных говоров» зафиксировано фразеологизированное выражение *на свой (мой, твой и т.п.) норов*, употребляющееся в значении «по своему (твоему) желанию», *норов* имеет также значение «приступ к делу» [5, с. 282]. С пометой

«фольклорное» подаются производные от *норов* существительные *норовец* «характер, совокупность душевных свойств; норов», «упрямство», «об угождении кому-либо» и *норовок* «общераспространенные привычки, обычаи» [5, с. 282–283]. Говорам известен также морфологический вариант рассматриваемого субстантива в форме женского рода: *норовь* «характер, норов» [5, с. 283]. В украинском языке *норов* служит также для наименования капризов, прихотей [6, с. 570; 3].

Имя существительное₁ *нрав* фиксируется памятниками

старославянского и древнерусского языков с XI в. в значениях:

__стремление, желание', __доблесть, достоинство', __разум', __мнение',

__обычай, привычки', __добродетель, доблесть, нравственность', __нрав, характер', __образ действия' [7, с. 384; 8, с. 471]. В семантике субстантива *норов*, в отличие от соотносительного с ним *нрав*, появляются негативные семы: *норов* (фиксируется памятниками письменности древнерусского языка с XI в.) имеет значения __обычай',

__образ действия', __нрав, характер', __беспокойный нрав, *норов'* [8, с. 467], __благожелательность, доброта, порядочность', __буйный, упрямый нрав; *норов'* [9, с. 423]. В словаре И. И. Срезневского фиксируется также субстантив *нарора* (вместо *норова*), адвербиализованная форма творительного падежа которого (*нароровою*) имеет значение __по своей воле, своевольно'

[8, с. 320]. Диалектам известно существительное *нарора* в значении __капризный, упрямый, вспыльчивый человек (чаще о ребенке)' [10, с. 194]. Таким образом, наблюдается явление энантиосемии, исторически свойственное корневой морфеме и унаследованное современным языком.

Распространенные в современном русском языке субстантивы *нрав* и *норов*, отличающиеся огласовкой корня, восходят к праславянскому **norvъ*, продолжения которого в славянских языках имеют значения, синонимичные значениям русских имен существительных [см. 10, с. 192-193].

Если среди славянских рефлексов праславянского **norvъ* наблюдается семантическая близость, то при сопоставлении данного существительного иродственных

ему словиз других индоевропейских языков наблюдаются некоторые различия, позволяющие восстановить более древнее

значение, которое могло быть положено в основу корня: лит.

nóras __воля, желание', *nóriu, nore ti* __хотеть'; лит. *narvytis*

__упрямиться', др.-прусск. *nertien* (вин. п. ед. ч.) __гнев', *er-nertimai* __гневаемся', лит. *nérte ti*

__сердиться', *i ne rteti* __упорствовать', *nart nti*

__сердить', греч. *νορεΐ* *ἔ νερυεΐ* (Гесихий), ирл. *nertaim*

__укрепляю', др.-инд. *sūnáras* __дружественный', авест. *hunara-*

__умение, искусство', др.-инд. *nar-*, авест. *nar-* __муж', греч. *ἄ νή ρ*

– __то же' [10, с. 194; см. также 11, с. 84]. Составители

«Этимологического словаря славянских языков»

выделяют в

приведенных словах индоевропейский корень **ner-(t-)*, *aner* сила, энергия; мужчина [10, с. 194]. А. Г. Преображенский указывает, что родство *норов*, *нрав* и данной группы слов не вызывает сомнений, но детали остаются невыясненными [12, с. 616]. Возможно, значение

мужчина появляется позже на основе ассоциации с понятиями сила, энергия. Значения существительных *нрав*, *норов* в первую очередь связаны с представлениями о сильном характере, свойственном личности, способной проявлять свою волю (сравн. также *норов* буйный, упрямый нрав; *норов*), что соотносится с понятиями сила, энергия.

Относительно морфемного членения субстантива **norvь* П. Я. Черных указывает, что на общеславянской почве выделяется суффикс **-v(ь)*, присоединяемый к основе **nor-*, которая восходит к индоевропейской базе **(a)nēr-*, **nōr(o)-* [13, с. 578]. Составители ЭССЯ приводят точку зрения П. Скока, согласно которой славянский субстантив **norvь* – праславянская инновация с суффиксом **-ц о*, присоединенным к индоевропейскому **nor-* (*//*ner-*) [10, с. 194]. П. Я. Черных высказывает версию об отнесенности праславянского существительного **norvь* к той же словообразовательной модели, что и **gněvь*: **nor-vь* : **gně-vь* [13, с. 194].

Если полагать, что современное значение русских субстантивов *нрав*, *норов* характер восходит к индоевропейскому сила, энергия, то следует, очевидно, рассматривать характер как результат проявления силы (духовной силы), воли человека. Однако результативное значение при образовании субстантива на базе другого субстантива представляется маловероятным. П. Я. Черных говорит об отнесенности существительных **norvь* и **gněvь* к одной словообразовательной модели, последнее в свою очередь имеет глагольную природу. Данный факт, а также наличие в ряде индоевропейских языков однокоренных глаголов дает возможность полагать, что корневая морфема **nor-*, как и **gně-*, исторически является глагольной (сравн. *nóriu*, *nore ti* хотеть; лит. *narvytis* упрямиться, *nérte ti* сердиться, *i ne rteti* упорствовать, *nart nti* сердить, ирл. *nertaim* укрепляю и др.). В то же время значение сила может быть рассмотрено как модальное (сила всегда на что-либо направлена, с какой-либо целью приложена к чему-либо), что соотносится с распространенными в индоевропейских языках родственными словами, имеющими модальное значение

(желание‘, воля‘, хотеть‘). Таким образом, предположение о том, что праславянское **norvъ* является отглагольным производным, позволяет определить значение словообразовательного форманта **-v(ь)* как результативное.

Аналогичным рассматриваемому *норов, нрав* с точки зрения семантического признака является субстантив *собь*, который в русских говорах имеет как положительное значение – все свое, имущество, животы, пожитки, богатство‘, свойства нравственные, духовные и все личные качества человека‘, так и отрицательное – все дурное, все усвоенное себе по дурным наклонностям, соблазнам, страстям‘ [14]. О. Н. Трубачев исследует индоевропейское **sʷe-* / **sʷo-*, родственное русскому *собь*, в связи с фундаментальной для

«индоевропейско-славянской» культуры оппозицией «свой» – «не свой». Этимолог указывает, что «средоточием индоевропейского самосознания было **sʷe-* / **sʷo-*, а его оппозит [«не свой»] воплощал как бы отрицательное самосознание в иных (лингвистических) терминах – был функционально и семантически маркирован. Это порождает быструю смену, вообще – неустойчивость, пестроту выражения данного члена оппозиции, которому незыблемо противостоит, прослеживаясь до самых древних времен, положительное и.-е. **sʷe-* / **sʷo-*» [15, с.181].

Е. И. Тимошенко, исследуя слова, содержащие исторически глагольный корень с модальным значением желания, выявляет закономерность «соответствия высокой степени интенсивности желания отрицательным оценочным коннотациям в семантике слова и умеренной степени проявления данного внутреннего состояния – положительным» (сравн.: родственные праславянским **laska*, **laskati* др.-инд. *lasati* жаждать‘, *lālasa-* жадный, яростный‘, лат. *lastivus* распущенный, похотливый‘, ст.-польск. *lasy* жадный, алчный‘, русск.-цслав. *ласкати* соблазнять, обольщать‘, обманывать‘ и др. и цслав. *ласкавь* приятный, ласковый, любезный‘, болг. *ласкав*

любезный‘, др.-русск., русск.-цслав. *ласкавыи* милостивый, снисходительный‘, укр. *ласкавий* милостивый, благосклонный, снисходительный; кроткий, смиренный, добрый, ласковый, приветливый, любезный‘, бел. *ласкавы* ласковый, любезный,

приветливый'). Таким образом, представляется регулярным явление энантиосемии, характерное для случаев, когда корень имеет модальное значение, то есть «семантическая специфика корня, связанная с проявлением внутреннего «я» человека» выступает в качестве «источника формирования энантиосемии» [16, с. 191–192].

Резюмируя вышеизложенное, отметим, что приведенный языковой материал позволяет говорить об исторической членимости современных существительных *норов, нрав* и о результативном

словообразовательном значении исторически выделяемого суффикса *-v(ь), а также высказать предположение о глагольном характере исходной для праславянского **norvъ* корневой морфемы.

Список литературы

1 Словарь современного русского литературного языка : в 17 т. / редкол.: В. И. Чернышев. (гл. ред.) [и др.]. – М., Л. : Изд-во Академии Наук СССР, 1950–1965. – Т. 7. – 1958. – 1470 с.

2 Тлумачальны слоўнік беларускай мовы [Электронны рэсурс]. – Рэжым доступу: <http://www.skarnik.by/tsbm/>. – Дата доступу: 28.04.2018.

3 Словник української мови [Електронний ресурс]. – Режим доступу: <http://sum.in.ua/>. – Дата доступу: 12.05.2018.

4 Ожегов, С. И. Толковый словарь русского языка [Электронный ресурс] / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. – М. : Бука, 2006. – 1 электрон. опт. диск (CD-ROM).

5 Словарь русских народных говоров / редкол.: Ф. П. Филин (гл. ред.) [и др.]. – Л. : Наука, 1965– издание продолжается. – Вып. 21. – 1986. – 360 с.

6 Словарь украинского языка : в 4 т. / под ред. Б. Д. Гринченко. – Киев, 1907–1909. – Т. II. – 1908. – 574 с.

7 Старославянский словарь (по рукописям X–XI вв.): Около 10 000 слов / под ред. Р. М. Цейтлин, Р. Вечерки, Э. Благовой. – М. : Русский язык, 1994. – 842 с.

8 Срезневский, И. И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам : в 3 т. / И. И. Срезневский. – Санкт-Петербург, 1893–1912. – Т. II : Л–П. – 1902. – 1803 с.

9 Словарь русского языка XI–XVII вв. / редкол.: С. Г. Бархударов (гл. ред.) [и др.]. – М. : Наука, 1975 – издание продолжается. – Вып. 11: Не– Нятый. – 1986. – 456 с.

10 Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд / под ред. О. Н. Трубачева. – М. :

Наука, 1974 – издание продолжается. – Вып. 25. – 1999. – 238 с.

11 Фасмер, М. Этимологический словарь русского языка : в 4 т. / М. Фасмер ; пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева. – 4-е изд., стер. – М. : Астрель : АСТ, 2009. – Т. 3 : Муза – Сят – 2009. – 830 с.

12 Преображенский, А. Г. Этимологический словарь русского языка : в 3 т. / А. Г. Преображенский. – М., 1914. – Т. I : А – О. – 1914. – 718 с.

13 Черных, П. Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка : в 2 т. / П. Я. Черных. – М. : Изд-во «Русский язык», 1999. – Т. I : А–Пантомима. – 1999. – 624 с.

14 Даль, В. И. Толковый словарь живого великорусского языка [Электронный ресурс] / В. И. Даль. – М. : Бука, 2008. – 1 электрон. опт. диск (CD-ROM).

15 Трубачев, О. Н. Этногенез и культура древнейших славян: Лингвистические исследования / О. Н. Трубачев [отв. ред. Н. И. Толстой].

– М. : Наука, 2003. – 489 с.

16 Тимошенко, Е. И. Об одном источнике энантиосемии в русском и других славянских языках / Е. И. Тимошенко // Известия Гомельского государственного университета имени Франциска Скорины. – Гомель, 2015. – № 1(88). – С. 189–193.